

ТВОРЧЕСТВО «СВОБОДНОГО ДУХА» В КОНЦЕПЦИИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

*Работа представлена кафедрой культурологии
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Ю. М. Шор*

Статья посвящена некоторым проблемам философии творчества выдающегося русского философа Н. А. Бердяева. Представлены взгляды Бердяева на феномен творчества в концепции культуры. Выявлены интуитивно-мистические стороны и анализируются сложные отношения данного феномена с христианской доктриной аскезы.

Ключевые слова: Бердяев, философия, творчество, культура, дух, свобода.

A. Zavgorodnyaya

CREATIVITY OF THE “FREE SPIRIT” IN THE CONCEPTION OF NIKOLAI BERDYAYEV

The article is devoted to some problems of creativity philosophy of the eminent Russian philosopher N. A. Berdyayev. His opinions on the creativity phenomenon in the culture conception are presented. The intuitive and mystical sides are revealed and the intricate relations of this phenomenon with the Christian doctrine of asceticism are analysed.

Key words: Berdyayev, philosophy, creativity, culture, spirit, freedom.

«Верующий вольнодумец» – так назвал себя сам один из интереснейших философов Серебряного века Николай Бердяев. Его философия во многом определилась его мироощущением: «Моя окончательная философия есть философия личная, связанная с моим личным опытом» [1, с. 336]. Внутренние двигатели бердяевской философии – примат свободы над бытием, духа над природой, субъекта над объектом, творчества над эволюцией.

В сознании Бердяева соединились два полярных начала: аристократическое понимание личности и стремление к состраданию и справедливости [4, с. 6]. В предисловии к работе «Я и мир объектов» Бердяев отмечал: «Основная идея моей жизни есть идея о человеке, о его

образе, о его творческой свободе и творческом предназначении». Закономерно, что феномен творчества становится объектом пристального внимания философа. Как представитель русской религиозной философии, Бердяев неотрывно связан в своих рассуждениях с христианством, и одним из важнейших вопросов для Бердяева становится раскрытие феномена творчества в христианском учении.

Главная мысль Бердяева та, что тайна творчества, так же как тайна личности, неподвластна чисто философскому осмыслению; ее раскрытие предполагает участие Откровения. Бердяев не единожды обращается к теме взаимодействия творчества с христианской моралью. Он ясно ощущает противо-

речивость данного взаимодействия. Это противоречие рождается из парадоксальности самого феномена творчества.

По мнению Бердяева, парадоксальность заключается в неподчинении творчества законам традиционной христианской морали. Так христианская мораль, которая предполагает аскезу как путь к достижению совершенства, не может явить ее как путь к творческому гению, «никакой аскезой нельзя достигнуть не только гения и таланта, но даже малого дара и способностей». Аскеза присутствует в творчестве, но направлена она отнюдь не на личное совершенство и не на личное спасение. От творца требуется творческое напряжение его свободы, а не аскетический подвиг самоусовершенствования. Невозможно творить, постоянно находясь под гнетом чувства греховности и одного смирения. Творчество есть взлет, воля, дерзание. Является ли творчество путем спасения? Бердяев отвечает – нет. Творчество означает переход души в иной план бытия. Оно не нужно для личного спасения, а если и нужно, то только потому, что оправдывает самого творца.

Творчество представляется божественным предназначением. Творческий гений дается человеку ни за что, он не связан с нравственным или религиозным усилием человека. Кроме того, образ истинного творца может вовсе не соответствовать тому идеалу, который создается посредством морального закона. Творец как бы выходит из этого закона. Творческий гений это данность, а не заслуга. Эта проблема гениально ставится Пушкиным в его маленьких трагедиях, в частности в трагедии «Моцарт и Сальери». «Творец и великий творец может быть гулякой праздным, может быть ничтожнейшим из детей ничтожных мира», – пишет Бердяев [3, с. 85]. Гениальностью нельзя гордиться, так как она не есть заслуга самого человека, а лишь промысел. В то же время этот дар требует свободной истиной жертвенности. Жертвы подобно Аврамовой, жертвы во имя Бога. Творческий акт совершается не ради себя самого или другого человека, а во имя Бога, в котором есть истина. Более того, гениальность стоит вне мира, она не отягчена им.

Творец и творчество не заинтересованы в спасении или в гибели. И в этом нравственный парадокс творчества.

Интересна позиция Бердяева в вопросе о религиозном смысле творчества. Он практически отождествляет эти понятия: «Творчество – не допускается и не оправдывается религией, творчество – само религия» [2, с. 100]. Творчество по религиозно-космическому смыслу представляется равносильным и равноценным искуплению. Оно столь же значимо перед лицом Бога, сколь значима аскеза. Но в отличие от аскезы, которая не отделима от морального закона, творчество неотрывно от свободы. Творить можно лишь, будучи свободным духом. Творчество само рождается из свободы. Оно иррационально и необъяснимо, как и свобода.

Само по себе творчество – характеристика гениальности. Оно предполагает не только мегаломаническую свободу человека, но также дары, данные человеку-творцу – Богом-творцом. Рассматривая явления творчества с позиции христианской религии, Бердяев говорит о свободе дара творчества: «Человек не сам виновник своего дара и своего гения, он получил его от Бога и чувствует себя орудием божьего дела в мире» [2, с. 234]. Бердяев не отрицает индивидуальность, напротив, считает ее важнейшим элементом творчества. Здесь речь идет скорее об анонимности творчества. Анонимность и отсутствие индивидуальности не тождественные понятия. Отсутствие индивидуальности в творчестве есть отсутствие самого духа творца, анонимность, напротив, возвеличивает дух, являя собой момент жертвенности. В этом Бердяев близок поздней философии Рериха, который пишет: «Подумайте об анонимности творчества. В нем еще одна ступень в возвеличении духа» [5, с. 82].

Может показаться, что в концепции Бердяева творчество вообще не подчиняется никаким законам, ибо оно несет в себе вольное дионисийское начало. Однако это не дионисизм ветхого хаоса. Это преображенный дионисизм «нового сознания», прошедший через закон и искупление, соединенный с аполлонизмом. В творчестве открывается серафическая природа человека.

Творчество подчиняется и законам морали, хотя бы и дионисийской, страстной. Но страстная природа человека, его фаустовское стремление к жизни должны быть не задавлены, не порабощены, а лишь творчески преобразены. Рассматривая аполлонистическое и дионисическое начало в творчестве, Бердяев выступает не за их противостояние, а за их гармоничный союз. «Варварский дионисизм, не просвещенный мировым логосом, – препятствие на пути наступления религиозной эпохи творчества». Рассматривая традиционную христианскую мораль как некий ортодоксальный закон, не способный к трансформации, Бердяев говорит о невозможности отвержения морали как закона: «Закон должен быть внутренне изжит, а не бунтарски отвергнут» [2, с. 231].

Возможна творческая мораль. Согласно концепции Бердяева, она должна строиться на заботе о творческом восхождении. Изначально эта мораль рождается в благородном, сильном духе. В этом философу ближе мораль Евангелия. Именно в ней «верующий вольнодумец» видит наиболее удачное соотношение морали и свободного творчества духа. Именно таким духом представлен человек в евангелическом христианстве.

Сам Бог открывается миру в свободном творчестве человека. Творчество является своеобразным посредником между богом и миром. В сотворении мира уже присутствует творческий акт, как акт воли духа. И этот творческий акт изначально направлен на преобразование мира. «Бог сотворил мир из ничего, то есть свободно из свободы. Мир не был эманацией Бога, рождением или эволюцией, а творением, абсолютной новизной...» [3, с. 195]. Человек, сотворенный Творцом по своему образу и подобию, уже изначально призван к творчеству.

Мораль творчества отлична от морали искупления, являющейся следствием категории закона. Творчество исходит из личности,

но направленно оно не на личность, а на мир. Творчество преодолевает отрицательную направленность духа не посредством страха гибели, а посредством свободы. Не следует, однако, рассматривать мораль как противоположную творчеству. В самом творческом акте уже присутствует мораль – мораль истинного очищения, освобождения, катарсиса души. Даже эсхатологизм Бердяева рассматривает конец мира не как факт его гибели, а как факт преобразования, рождения нового. Смысл любого творческого акта заключен для него в приближении момента преобразования мира. «Творческий акт в своей первоначальной чистоте направлен на новую жизнь, новое бытие, новое небо и новую жизнь» [1, с. 457].

Бердяев рассматривает два возможных пути, по которым может пойти человеческая личность: послушание, как устроение в «мире», приспособление к нему и отречение от себя. И противоположный путь – творческий. Преодоление несовершенного греховного «мира», его превозмогание. Творец должен выйти из «мира», из меры навязанной ложной моралью, рождающей эту мерность. Истинное творчество безмерно в своих идеях и желаниях. Но это не есть безмерность хаоса, это есть торжество свободы духа творческого.

Бердяев считает, что только творческая религиозная эпоха приведет к положительному самосознанию человека, «в этике творчества будет вдохновение новой, не бывшей еще жизни. Это жизнь в духе, а не в мире, жизнь, духовно свободная от реакции на мир и мирское» [2, с. 238]. Путь новой жизни не предполагает собой движение вправо и влево по линии «мира», а лишь ввысь и вглубь по линии Духа. Закон морали должен не только отрицательно изобличить грех в человеке, но и положительно раскрыть его творческую природу. Союз морали и творчества есть истинный путь к новой религиозной эпохе, к третьему, высшему откровению человека. Откровению свободного духа Творца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Эксмо, 2003. 624 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2002. 678 с.

3. *Бердяев Н. А.* Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ, 2003. 701 с.

4. *Колужный В. Н.* Личность: между мифом и философией // Н. А. Бердяев. Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ, 2003.

5. *Рерих Н. К.* Листы сада Мори. Шамбала. Харьков: Фолио, 2004. 365 с.